

Она начала работать с Цзин Тяньюэ только в этом году и не знала о её прошлом. У Цзин Тяньюэ было несколько ассистентов, но для удобства она всегда брала с собой личного ассистента. Другого ассистента, который занимался мероприятиями, звали Ся Вэй, и в первый же день Чжоу Чжоу предупредили, чтобы она не упоминала Цинь Мян.

Но Чжоу Чжоу заметила, что, даже если она сама не упоминала, окружающие это делали.

Цзин Тяньюэ относилась к этому равнодушно, но всё же раздражалась.

Это чувство было не похоже на то, что она всё ещё испытывала к нему, скорее, это было чувство, что она не могла смириться с ситуацией.

Но это соответствовало её характеру.

— Похоже, ты настроена найти себе молодого любовника.

Цзоу Тяньхао усмехнулся:

— Не стоит всех под одну гребёнку.

— Когда ты настаивала на свадьбе с ним, я предупреждал тебя, что последствия некоторых решений ты будешь нести сама.

Их семейное воспитание со стороны казалось совсем не строгим, даже слишком мягким. Все в семье, от главы до жены и старшего сына, были мягкими и добродушными, но родили дочь с совершенно противоположным характером.

Цзин Тяньюэ хотела идти своим путём, и семья не мешала, помогала ей, хорошо относилась к Цинь Мян, но отношения — это дело двоих, и семья не могла за них решать.

В итоге всё закончилось так, и Цзоу Тяньхао утешал её, считая, что ничего страшного. С такими данными, как у Цзин Тяньюэ, найти кого-то нового не составит труда.

В их кругу было много достойных людей, но Цзин Тяньюэ, возможно, не обратила бы на них внимания.

Даже если есть взаимная симпатия, это не гарантирует счастливого конца, и всегда есть шанс, что всё закончится ссорами.

— Я знаю.

Цзин Тяньюэ хоть и закрыла экран, но трансляция продолжалась, и она всё ещё слушала её в наушниках. Голос Сяо Жун звучал иначе, чем при официальных встречах, более расслабленно.

Видимо, она лежала, и был слышен звук переворачивания.

— Ой, я в отеле... Нет, у меня есть дела, но я не скоро вернусь... Ужин, что я ела на ужин, дай подумать...

Голос звучал близко, будто она говорила прямо в микрофон, создавая ощущение, что она шепчет тебе на ухо.

— Как вы лучше меня знаете моё расписание... — Сяо Жун протянула слова, затем взяла стакан с водой, слышно было, как она пьёт, звон ложки о керамику, и потом поставила стакан

на стол, перевернулась. — Я на съёмках, эх, вы пишете «хахаха», хорошо, что в комментариях нельзя вставлять картинки...

— Секрет... Вы всё узнаете позже. — видимо, в комментариях было много вопросов, и Сяо Жун немного смутилась, затем тихо сказала:

— Эх... Ладно, в общем, это не будет таким... таким ужасным.

— Тот пост в Weibo, это было просто... У всех есть вторые аккаунты, правда? Не выдавайте меня. — её смех был едва слышен. — Просто я случайно отправила не то сообщение в WeChat, это было неловко... Кому? Ну, человеку, с которым я только что познакомилась... Представьте...

Она описала эту неловкость.

Это было довольно забавно.

Цзин Тяньюэ тихо улыбнулась.

Через пару секунд она поняла, что её рассмешил этот ребёнок, и снова засмеялась.

Цзоу Тяньхао услышал её смех:

— Она оптимистичная, это хорошо.

Цзин Тяньюэ кашлянула:

— Нельзя же вечно страдать, никто этого не стоит.

— Хорошо, что ты так думаешь, брат рад за тебя.

Машина остановилась, и Цзоу Тяньхао помог Цзин Тяньюэ с багажом. Даже на одну ночь она взяла с собой много вещей, включая подарок для Фан Чунмэй.

Чжоу Чжоу пошла забирать посадочные талоны, а они остались сзади. В аэропорту в предрассветные часы было мало людей, Цзин Тяньюэ была в маске и шляпе, но её всё равно легко было узнать.

Рейс был в три часа ночи, и к утру они должны были прибыть. У Цзин Тяньюэ на следующий день была съёмка, причём первая сцена с Сяо Жун, которая переснималась. У неё также была съёмка днём, и она нашла время для трансляции.

Хотя она считала, что этот новичок неплохо себя ведёт, Цзин Тяньюэ всё же находила это немного самонадеянным.

Но, подумав, возможно, это была часть работы.

Она ещё не видела её предыдущие посты в Weibo, а попала на трансляцию, потому что друг лайкнул её эфир.

— Эти съёмки займут много времени, да? Фан Чунмэй снимает медленно и требует много усилий.

Цзин Тяньюэ кивнула:

— Конечно, и Новый год наступит рано, так что, возможно, придётся задержаться и встретить его на съёмочной площадке.

Цзоу Тяньхао привык к этому. В прошлом Цзин Тяньюэ тоже так снималась, была капризной, но в грязи не боялась, что было удивительно.

Видимо, это было её единственное увлечение.

— Пора на посадку, иди.

Цзин Тяньюэ обняла брата.

— Брат, честно говоря, — она откинула волосы назад, — мне, возможно, будет сложно снова вступить в отношения. Я знаю, что вы не будете торопить меня с замужеством и хотите, чтобы я нашла хорошего человека.

— Но я просто чувствую...

В маске и шляпе, её глаза всё ещё были выразительными, но, глядя на семью, они стали мягче.

— Я боюсь.

— Не у всех же такие отношения, как у тебя и невестки — любовь с первого взгляда, потом увлечение и счастливая семейная жизнь.

Цзоу Тяньхао усмехнулся:

— Ты что, копируешь наши отношения? Тогда это действительно уникально, и повторить это сложно.

Он пошутил:

— Мы не торопимся, главное, чтобы ты была счастлива. Жизнь длинная, ты обязательно найдёшь своё.

Цзин Тяньюэ фыркнула, хлопнула брата по плечу и ушла.

Сяо Жун, которая не ответила на её стикер, проспала до утра, и Пузырёк разбудил её, чтобы она пошла на макияж.

Она сняла несколько дублей, чтобы переснять предыдущие сцены, но в первый же день съёмок её измотали. На улице было жарко, а на площадке ещё жарче.

Вечером пришла Цзин Тяньюэ, села рядом с камерой и тихо спросила у сотрудников:

— Как дела?

Тот тоже вспотел, махал пластиковым веером:

— Нормально, сначала было непривычно, но сейчас...

— Не раскрылась до конца.

Фан Чунмэй добавила.

Она смотрела на Сяо Жун в кадре, её образ был лучше, чем у Цзян Гэсинь.

Снимали сцену после дождя, и из-за жары вода быстро испарялась. После каждого дубля сотрудники снова поливали её водой.

Сяо Жун была в белой футболке, с коротко подстриженными волосами. Ассистент, который был ниже её ростом, держал зонт, но потом она сама взяла его и пила воду.

Она пила воду с таким аппетитом, что издалека её можно было принять за мальчика.

— Но образ неплохой.

Фан Чунмэй кивнула. Она должна была признать, что Цзин Тяньюэ не ошиблась с выбором. Сяо Жун в общественном сознании ассоциировалась с гламуром, но, играя деревенскую девушку в рваных джинсах и футболке с чёрными пятнами на спине, она выглядела вполне естественно.

Но всё же ей не хватало «простоты».

Фан Чунмэй целый день пыталась добиться этого.

Сяо Жун уже стала лучше, чем в начале, но чего-то всё же не хватало.

— На места!

Фан Чунмэй крикнула в мегафон, и Сяо Жун вздрогнула, что рассмешило Цзин Тяньюэ.

— Забавная, — она тоже вспотела, Чжоу Чжоу держала USB-вентилятор. — Чжоу Чжоу, иди за едой, и возьми ещё один манговый торт.

Чжоу Чжоу кивнула.

Сяо Жун тоже заметила Цзин Тяньюэ, и ей стало ещё жарче.

Атмосфера на площадке была напряжённой, эту сцену сняли уже пять или шесть раз. Она опустила голову, глядя на свои разваливающиеся кеды.

В голове всё ещё звучал голос Фан Чунмэй, объясняющей её роль.

Сяо Юй, деревенская девушка, родители развелись и снова женились, она жила с матерью, но её никто не любил. Она хотела свободы.

Она училась делать торты, она не была красивой, поэтому боялась смотреть на других, но ей нравились красивые люди.

Она была очень закомплексованной, молчаливой.

Цзин Тяньюэ смотрела на Сяо Жун в кадре, её растерянный взгляд, и в этот момент всё вокруг слилось воедино.

— Хорошо! Снято! Завершаем!

Фан Чунмэй сделала жест, ассистент режиссёра крикнул, и Цзин Тяньюэ, подперев подбородок, продолжила смотреть на повтор сцены.

Всё было серым.

Она даже не заметила лицо Сяо Жун, но атмосфера была захватывающей.

Сяо Жун подошла, она ещё не переделась, и в такую погоду снимать летние сцены было удобно.

Сейчас она выглядела иначе, чем в кадре, её глаза были яркими, без намёка на усталость, и она казалась счастливой.

— Режиссёр!

— ... Тяньюэ... сестра.

<http://bllate.org/book/17670/1646875>